

Александр Иванченко

Полет души

*Поэмы
и стихотворения*

Александр Иванченко

**Полет души. Поэмы
и стихотворения**

«Издательские решения»

Иванченко А.

Полет души. Поэмы и стихотворения / А. Иванченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837160-8

Не хочу, что для многих желанное, От излишеств, всех благ
откажусь. Ты прими меня, Мир, без приданого, Вот такого, какой есть...
пригожусь!

ISBN 978-5-44-837160-8

© Иванченко А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Полет души	9
ПОЭМЫ	10
Осколок	11
ПОСВЯЩЕНИЕ	12
ПОСЛЕСЛОВИЕ	18
КРАП	19
Часть 1	20
Часть 2	26
Часть 3	32
Эпилог	40
Бирюк	41
Предисловие	42
I	44
II	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Полет души

Поэмы и стихотворения

Александр Иванченко

© Александр Иванченко, 2017

ISBN 978-5-4483-7160-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОР #ИВАНЧЕНКО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

От автора

Что является для человека самым ценным? Конечно, жизнь. И это самое ценное воспринимается многими как дар Божий и они всегда благодарны за этот Господа, даже если он посылает им в жизни серьезные испытания. Для других она не дороже поношенной вещи и они не задумываются о том, что другой не будет – спешить жить, творить и сеять в детях и внуках доброе, светлое, гуманное и просто человеческое.

Как человек дает определение жизни? Конечно по-разному, но чем старше человек, тем более определенно и утвердительно звучит определение, что «жизнь – это миг!». Я с этим согласен. Разница лишь в том – как он прожит.

Если взять и разбить этот, хоть и короткий отрезок на части, жизненные эпизоды, то многие говорят о них так «Да, так, временами...» или «То чёрная полоса, то белая, но преобладает...». И редко у кого жизнь проходит гармонично спокойно, как степная река, без крутых заворотов, бурунов и перепадов.

Я бы ещё сравнил жизнь с горящим бенгальским огнём (товаром дешевого современного производства), который горит не равномерно: то яркая вспышка и искристое сияние, то тление с шипением и выделением дыма, то опять вдруг озаряется ярким свечением. Но всегда сопровождается искривлением тонкого стального стержня, вплоть до формы буквы «зю».

В жизни человека в большей или меньшей степени есть: яркие и радостные, неординарные события, даты которых он помнит очень долго или всю жизнь и воспоминания о них дают целый букет положительных эмоций; серые будничные, незапоминающиеся ничем дни и чёрные от неудач и просчётов или траурные, но часто значимые в том, что являются вехой – началом и окончанием какого-либо жизненного этапа. К примеру, утрата близкого человека может привести к переоценке каких-либо ценностей и пересмотра мировоззрения на какие-либо аспекты, каким-то образом связанных с ушедшим в мир иной человеком или не связанным с этим изменением мировоззрения.

Детям не терпится вырасти побыстрее: они примеряют родительскую обувь и одежду; слушают, открыв рот байки взрослых и старших товарищей; хотят совершать взрослые, часто пагубные поступки, которые «заразительны» и даже в прямом смысле слова – курение, алкоголь и т. п.

Судьбоносных событий конечно в жизни мало, а иногда человек не придаёт им должного значения, считая, что они не достаточно ярки для того, чтобы изменить суждение, принудить к действию, поступку и т.п., которые должны изменить, может быть даже коренным образом всю жизнь. Но судьбу не обманешь, от неё не уйдёшь. Кто-то верит в предписание Всевышнего (таких скорее больше), кто-то нет.

Многие, особенно молодые люди, ведут дневники и хронометрируют важные и мелкие события, а кто-то, чаще уже в зрелом или преклонном возрасте, желает запечатлеть события и факты своей жизни в воспоминаниях и мемуарах. Так и мне ближе к пятидесяти, точнее в 49 лет, пришло сильное желание запечатлеть важные и яркие, по моему убеждению, вехи, а заодно после очередного переломно-судьбоносного жизненного периода, в форме поэзии.

Что оставило мне за полувековой период в моей памяти такие яркие воспоминания. Это некоторые воспоминания о детских восприятиях и ощущениях, незабываемые годы студенчества и, несомненно, глубокие и впечатляющие события, хоть и нелегкой, но романтической службы в ВМФ. Глубокий след воспоминаний оставили несомненно любовные и душевные переживания и события, к которым быть равнодушным не позволяет моя гражданская совесть, мысли и мировоззрение, радость явлениям, событиям и грусть.

Всё это отразилось в десятке тематических циклов стихотворений таких, как «Одинокое плавание», «Полёт души», «Боль», публицистических заметок и других поэтических повествований.

Какие существуют стереотипы мужских увлечений: рыбалка и охота, футбол и пиво, автомобили, для многих – женщины и др. Приоритетность из этого ряда у каждого своя, но в большей или меньшей степени они присутствуют в каждом и я – не исключение.

«Когда деревья были большими», а хвост сазана волочился по вечерней росистой траве, мать встречала меня приветствием: «Если завтра опять весь день просидишь на рыбалке или ещё и утонешь – домой можешь не приходить...». После чего, отложив все домашние дела, принималась за разделку злополучной рыбы. А я, тем временем, «заводил будильник» – выпивая на ночь литровую кружку свежего парного вечерней дойки молока. «Будильник» работал безотказно и утром на зорьке опять бегу с удочкой, ёжась от утренней прохлады, в одних трусах, босиком по поросшей травой тропинке, обильно усеянной утренней росой.

Второе серьезное увлечение охотой привито отцом с отрочества, когда после сдачи охотничьего минимума (чистки ружья и приготовления боеприпасов), он взял меня с собой на охоту и позволил выстрелить из курковой «тулки». Но с годами в охоте меня больше стали привлекать не пальба из двустволки и богатые охотничьи трофеи, а пёстрота природы осенью и сверкающий под лучами редкого зимнего солнца серебристый снежный девственный покров земли или с паутиной звериных следов, да пьянящий морозный воздух.

Всем известна правдивость рассказов рыбаков и охотников о своих успехах. Если уподобиться примеру «бывалых», то можно было похвалиться «скромными» уловами и трофеями, примерно так: «... щукой, сазаном или миусским сомом вот с таким глазом (при условии, что руки предусмотрительно связаны слушателями); лисой, которую, хоть и без труда, но сумел таки «объегорить», или зайцем размером с косулу; кабаном, чей смертельный бросок (на тебя, конечно) с растопыренным клыкастым оскалом безразмерной, брызжащей кровавой пеной, пасти, был остановлен единственным, но безупречно метким выстрелом, ну-у прямо в левый желудочек его дикого, свирепого сердца, ... в момент выдоха Не буду.

Перед глазами часто всплывает момент возвращения с охоты. Настроение приподнятое – полная сумка трофеев и пустой, что тоже важно, патронтаж. Казалось, замри прекрасное мгновение, дай вдоволь насладиться, и тут Оторвав блаженствующий взгляд от дичи, вижу искромётные, заплаканные глаза дочери: «Па-па, никогда, слышишь, никогда больше не стреляй голубей, хоть и диких ...!». Как удар молнии в солнечный летний день, ударили эти слова острым клинком прямо в сердце и А, если ещё после этого, на моих глазах и глазах малолетнего сына, коллеги-охотники, убивают сначала одну охотничью собаку, а затем, через два года после этого на глазах у дочери и меня застрелили другого преданного четвероногого друга, то... как я ещё мог оставаться в рядах этих убийц (другого слова не могу подобрать).

Как можно не откликнуться на террористические акты, к которым, к сожалению, мы уже настолько начали привыкать, или гибель экипажа атомной подводной лодки «Курск», тем более, что я сам моряк-подводник.

Всё это в совокупности и подтолкнуло меня в уже не юные (мягко говоря) годы взяться за поэтическое перо. Хочется надеяться, что мои произведения в глазах истинных любителей поэзии в тех или иных циклах найдут людей неравнодушных и понимающих. Я буду этому искренне благодарен.

Полет души

Полёт души материально не возможен.
Душа и тело неразрывны, так?
Но, я-то знаю: невозможное – возможно.
Безмерно хочешь? Разглагольствуй, коль мастак.
Полёт души – ты сказал «ма-ма»,
Полёт души – твой первый шаг;
Полёт души: «Ты прелесть, малый!»
Полёт души – палитра красок;
В порыве чувств – букеты роз.
При лунном свете – нежность ласки;
С паденьем звезд – желанье грёз.
Душа парит, а в мыслях буйство
И в шалаше с любимой рай.
Полёт души – такое чувство,
Что в феврале на сердце май.
Полёт души – кому-то нужен,
Тогда безмерно жизни рад.
Полёт души – с тобою дружен,
Когда меж нами мир и лад.
Тюльпаны жизни – дети, радость,
С порывом чувств любовных рождены.
Не омрачат полёт нам брен, усталость;
Любовью к внукам мы окрылены.
Прошли года, настала «осень»,
Ты много в жизни повидал;
Хоть на висках сплошная проседь,
Покой душевный не настал.
В последний путь, над тленным телом:
Пробил твой час – дух отлетит.
Но с новой кармой в юном теле,
Младенца криком мир сей известит.

ПОЭМЫ

ПОЭМА

Осколок

*Война не кончилась, пока
Пуста последняя строка
В том, длинном списке убиенных,
Пропавших без вести военных.
(А. Иванченко)*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Как будто злобный клещ
Пронзает покров тела,
Врастал на ровне плеч
Осколок в чрево древа.
Чтит память о бойце,
Дуб-старожил Миуса,
Во вражьем, будучи кольцо,
Презревшем участь труса.
Не нужно ждать нам до поры —
Под слоем вековой коры
Пока осколок не исчез,
Имея в тайне важный вес,
Будь не ключом — звеном разгадки,
Искатели, к которым падки.
Когда ж пытливый спецотряд,
Энтузиастов длинный ряд,
В полезность дела свято веря —
Он за войной закроет двери.
Во имя мира на земле,
Солдат, мы помним о тебе.
С высот открылся вид обзорный,
Что в парке довоенном тир;
Через прицел стрелок позорный
На «мушку» брал ориентир.
Когда-то русские красоты
Художник местный рисовал —
Сейчас, боец стрелковой роты,
Отход пехоты прикрывал.
У комля древа толстый корень,
(Воронку развернул снаряд)
Боец залег за оный вровень:
Пред ним фашистов длинный ряд.
Раздвинув сошки на упор,
На фрицев «дегтеря» направил.
Засечку дубу не топор —
Фашистский снайпер вмиг оставил.
Осиным роем пронеслись
Гонимы «шмайсерами» пули.
Они в грудь дерева впились,
Ломали ветки кроны, дурры.
Поднявши взор, сказал: «Держись!
Меня не взять им! Повоюем?!»
«Тебя прикрою. Ты прижмись
Ко мне поближе. Повоюем!!» —
Кивнула в одобренье крона.

Боец, нажавши на курок,
Не слышал падающих стона.
Фашистам первый дан урок:
За павших в том бою солдат,
За тех, кто ранен, отступает;
Кто плачет у сгоревших хат,
За тех, его кто вспоминает.
Со лба катился с кровью пот,
Ствол остужался с древа соком;
Кровавый впитывал «компот»
Корнями дуб под рваным боком.
Казалось, страшный симбиоз:
Ведь древо с плотью не едины?!
Но вместо крови – ручьи слез
Из раны плоти-сердцевины.
Что для вселенной есть минута?
Ничто, быть может пренебречь?!
Когда вокруг такая смута,
То станешь миг любой беречь.
За три секунды и пол – жизни
По кадрам сможешь просмотреть:
Родиться за минуту трижды,
Со страха трижды умереть.
Когда тяжелый миг настанет,
Вы призовете в помощь мать:
И сердцем боль она притянет,
И может жизнь за вас отдать.
Покоя мамы не нарушил,
На помощь не призвал отца,
Он на врагов свой гнев обрушил:
«Исполню долг свой до конца!...»
Отбил атаку: немцы к яру
Сползли, притихли, залегли;
Дрожали руки, будто спьяна —
«Патроны, воин, береги!»
Прикрыл отряд для отступления —
Момент хороший отойти:
Враги – подкралось вдруг сомнение, —
Проход за мной смогли б найти?!»
Бросался дуб в глаза обхватом,
Развесистый, красивый, статный;
И, «симбиозным» стал он братом,
С бойцом свершая подвиг ратный.
Заслон врагам стал, что заноза,
Терпенья кончился заряд,
Решили вынуть «без наркоза»,
Устроив минометный ад.
Земля вздымалась словно перья,
Когда подушки «перебьешь»,

А дерн, что рваная материя —
Заплат к прорехам не найдешь.
Смердяче-едкий запах тола
И скрип песчинок на зубах;
Затмило дымом вид простора
С ядреным матом на губах.
Осколок, «расписавший» тело,
Раскроив с галифе сапог,
С шипением вонзился в древо,
Но с древом сделать, то ж не смог.
Все виды с мыслями прервались,
Лишь в подсознание: «Коля, жив??»
Зрачки открытые остались:
В зеркальном отражении — взрыв.
«Тайм-аут» взять в игре со смертью,
Собратся в мыслях, покурить,
А боль от раны воин терпит —
Судьбу за спешность покорить.
А может вовсе так остаться —
Прожить минуту пострашней,
Чем с «жницей» костной «обвенчаться» —
Определись с сим, брат, спешней.
Солдату в коме мнятся корни,
Которыми он в землю врос,
А рядом с ним, такой же стройный,
Стоит могущий брат-колосс.
Свела их вместе здесь война,
А матушка-земля сроднила.
Коли б судьба была вольна,
Такой исход не допустила.
Чем колосс мог, тем и помог,
Прикрыв российского солдата.
Хоть крона в небо, но не Бог —
Мелка воронка, без наката.
«Пожил прилично — думал воин,
В свои — то девятнадцать лет?! —
Быть может, лучшего достоин,
Чего ж теперь о том жалеть.
Позором род свой не покрою.
Пускай простит старушка-мать,
Что непослушен был порою,...
По мне дам повод ей страдать...»
Как поступить мог комсомолец?
Приказы нужно выполнять:
На фронт ушел, как доброволец
И злость к фашистам не отнять.
Пошевелил ногой. От боли,
Он, стиснув зубы, застонал;
Собрав в «охапку» силу воли,

Прочь мысли скорбные прогнал.
Рванул с одежды мокрый кант,
Сестре, припомнил, вязал бант;
Что было сил, бедро стянул,
Что нет детей, слегка взгрустнул.
Какой, боец, теперь расклад:
Отрыл гранаты, словно клад;
Патронов в диске – «с гулькин нос»,
Для штык-ножа особый спрос.
Подняться если б во весь рост —
Сигнал к атаке очень прост:
Увидев за собой цепь роты,
«Ура!», направив «перст» на доты.
Еще б сколь наших полегло
(Немного с сердца отлегло),
Не будь прикрытия, тем паче.
На миг представил – мама плачет.
Когда б все слезы матерей
Собрать в едино, скорбь людей
Служила б берегом реки:
Потоком бурным потекли
На вражьи танки и пехоту,
И не одну спасли бы роту,
Смывая нечисть на пути —
Сыны могли с войны прийти.
Предсмертной не писал записки,
Пополнить неизвестных списки
Наш воин мог, но не о том,
Сейчас он думал о святом.
Свой долг исполнить до конца —
Уже замкнулась брешь кольца...
С поднятой гордо головой:
«... черный ворон, я не твой!...»
Врагов кураж сей не устроил.
Когда «блицкрига» планы строил,
Нюансов сих не знал «пророк» —
Моральный дух не так высок.
Их злость кипела через край.
Здесь до войны был чисто рай:
Степная речка с бурным нравом,
С высотами на бреге правом;
Трудом, где мирным люди жили
Всех наций, меж собой дружили;
Для колонистов-немцев – Haus,
Советских Menschen, Kinder, Frau.
Австриец жил, а рядом перс —
mit Namen звали, в шутку – Herr- (ц).
В коммунах труд не из-под пряжек:
Где нужно – дизель, двор упряжек.

Не каждый слыл, как коммунист:
Средь них водитель, тракторист,
Всех лучший в крае мукомол;
Кто молод был – шел в комсомол.
Их ждал далекий Казахстан.
Всех местных Негг- (ы) звали – «пан»,
Призыв к военным: «Иван», «русс» —
Сдавался им лишь жалкий трус.
Но чаще, знаем мы когда,
Без их желанья, внутрь «котла»
Бросали тысячи солдат:
Попали в плен, взамен – штрафбат.
Боец, под страшный минный вой,
Хотел лишь «дружбы» с головой,
Мгновенно принять, чтоб решение —
В своей судьбе шаг завершенья.
Да, предстоял последний бой —
С фашистами, чуть-чуть с собой,
Сказать вернее, с непривычным —
О смерти чувством, столь обычным.
Быстрее пули летит мысль,
Найти, пытаясь жизни смысл:
«Быть может, для того родился,
Чтобы досрочно с ней простился?...»
А, может быть, поступок твой —
Бессмертный подвиг боевой,
В бойцах поднимет дух и веру —
«Так нужно бить их!», – для примеру.
И в свой последний, смертный час,
Боец, десятки жизней спас,
Огонь весь, приняв на себя,
На нет успех врага сведя.
Подняться снайпер не позволит:
То в каску, пуля, скользя «звонит»,
То в фляжке «тушит» свой полет,
А, третья, клинит пулемет.
Хоть тяжело – близка развязка:
Гранаты вместе, проще – связка.
Пришел черёд подбить итог —
Воспользоваться если б смог...
Так нужно фрицев раздраконить,
Когда «увязнут», взять припомнить,
Кто «бык» в корриде?! «Матадор»
Вонзит клинок во вражий тор.
Сердечный бой в груди солдата
Так призывал, как звон набата,
Когда, с рывком, чека запала,
Удерживать боёк до сих устала.
С ударом в капсуль, начался отсчет

К финалу жизни, где бессмертья счет
Здесь приняв эстафету, на десятки лет,
До памяти народной затеряет след.
Не мог дуб видеть скорбь картины,
Лишь ощутил тот взрыв – не мины:
Дрожь осознания от корней к ветвям;
Как будто буря супротив ветрам,
Создала волны на пути врагам,
Убрала почву из-под них; ногам
Нет больше места на святой земле —
Увлёк их воин в «странствие» во тьме.
Запомнит древо те слова навек,
Что на устах нёс в вечность человек:
«За Родину!». Им, русских не понять —
Не мог он жизнь на Родину менять.
Не должен в злобе надругаться враг,
Тот, кто дрожит, осунувшись в овраг,
Над телом русского отважного бойца —
На «шкуре» ощутив преддверие конца.
Что мог гигант, в бою – «товарищ»,
Повидавший с лихвой огня пожарищ,
Но, выстояв, как меньший «кровный» брат,
В строю едином – древо и солдат?
Тряхнул он кроною и, от излома, ветвь,
Спустилась плавно, словно в шахту клеть,
Прикрыв, что саваном пристанище солдата,
Обняв корнями названного брата.
Года залечат всё: уменьшится воронка,
Всё зарастет травой и рывины пригорка;
На кручах берега среди ивушек дубы —
Границам русла – пограничные столбы,
Хранят истории затёртые следы.
Бездушье до поры, усилив боль беды,
Заставит кровоточить, в ранах, память
И имя – «Неизвестный» в бронзе славить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хоть неизвестный – ты герой.
Здесь на Миусе, под горой,
Ты подвиг совершил, солдат.
И в дни Победы, славных дат
Тобой оставленный завет,
На протяжении многих лет
Мы чтим и помним о тебе;
О тех, не преданных земле:
В окопах, рвах и блиндажах;
Кто без надгробных плит лежат,
Всех, чьи останки не нашли,
Кто в списки павших не вошли;
Чей прах хранит в «войне» земля.
Дубы над ними, тополя
Почетный караул несут,
От «грязных» умыслов спасут.
Чтоб не размыло талью вод —
Среди корней, над ними свод
Могучих древ. Хранят они
С героем тайну той войны.

2008г.

ПОЭМА

КРАП

*Иванченко Алексею Федоровичу
и всем, не вернувшимся с войны
посвящается*

Вступление

Война! – начало в ранний час —
Вошла в историю для нас
Проверкой прочности идей
Экзамен стойкости людей,
Где честь, Отечество и долг —
Не на бумаге, в виде догм.
За ними – личность, человек:
Поклон и память им навек.
Большие неудачи? – мягко скажешь —
Бандаж «котлов» зубами не развяжешь:
На «Западном» сначала был провал —
Расстрелян Павлов, генерал.
Как «против лома нет приема» —
Стал Киев «косяком» проема:
Тарана масса велика —
Не сдержат стены косяка.
Враг на Полтаву устремился,
Под Белой Церковью скрестился:
Не дуэлянтский бой – «канкан»,
Где головой попал в «капкан»,
Рогулей не пробить брони,
Здесь пали жертвою они —
Сыны огромнейшей «семьи»,
Позора, не познав «скамьи».
Кто жив, остался – проклинал
Совсем не радужный финал —
В концлагерях фашистских плен,
А кто при жизни – будто тлен.
Холуй германский или раб —
Носить по жизни грязный крап:
«Живьем, оттуда? – чисто бред.
Вот «окропим» и меньше бед!»

Часть 1

Парень деревенский и простой,
Был с широкой русскою душой;
Алексеем звали паренька —
Старший сын в семье, не паинька.
В трудные тридцатые года,
В коммунисты приняли когда,
Алексей билетом так гордился —
На «полуторке» без усталости трудился.
Грянула священная война:
У него, как у спеца была «броня».
Все-равно добился своего,
Добровольцем принял фронт его.

По ухабам, рытвинам и грязи
Фронтовых дорог — артерий связи,
Грузовик проходит все преграды —
Батарейкам так нужны снаряды.
Последний рейс, чуть запоздалый:
Хоть Алексей боец бывалый —
Фашисты сделали прорыв
И грузовик летит в обрыв.
Конфузило, волной накрыло.
Взъерошена земля. Знобило.
Пришел в себя — о, Боже мой!
Фронт, канонада за спиной.

Всю ночь, крадучись и ползком:
Села околица и дом;
Солдатки мрачное лицо;
С трудом поднялся на крыльцо.
— Как же, воин, быть с тобой?
В селе «СС» — советский конвой!
Одень, вот мужнино белье,
Свое же прикопай тряпье
— К своим мне нужно выходить,
Сквозь фронт лазейку находить.
Одна проблема — партбилет
Мне б сохранить до лучших лет.

Бойца в дорогу снарядив,
И чем богата — накормив,
Солдатка спрятала билет:
— На память! — вышитый кисет, —
Надеюсь, день не за горами,
Когда вернешься ты, герой.

К фашистам беспощадней будь,
Тайник под грушей не забудь!
Прощай, солдатка! Не гневись!
С победой милого дождись,
Сестра, коль приняла как брата,
Меня, российского солдата.
Прощанья коротка минута;
В дороге не искал приюта,
Все больше лесом обходил
И пищу с кровом находил.
Светает, надо поспешать;
Без командиров все решать.
С попутчиком легко б идти —
В тылу врага своих найти?!

На пыльных шляхах Украины
Следы подкованных сапог;
Разор повсюду и руины —
Сдан Харьков, за Донбассом Таганрог.
Бесчинствовали всюду оккупанты,
Европу под себя подмяв —
«Блицкригу» были все гаранты —
Шли на восток, и не поняв,
Что, сжатая до канцера пружина,
Таит в себе большой потенциал:
Сейчас она, что часовая мина —
Терпенья таймер время отсчитал.
Вот лесостепь, простор целинный,
Над речкой шлейф от дыма длинный,
Ландшафт окопами изрыт,
Туманом осени накрыт.
Свежо до мерзости ночами
И силуэты пред очами —
Воспалены вокруг зениц:
В ладошках вымолот зерниц.
Пропитан воздух с гарью снедью;
Не приглашает звоном медью —
Кажись, огромное село —
К вечерне вымерло оно.
Лишь свет мерцающей лампадки,
Через окно из крайней хатки,
Да лай собак на блик луны —
Живет село в напряг струны.
Бытует житель в погребах,
Лишь на воде — не на хлебах:
Незван хозяин при свечах
И с «яйко, млеко,...» — при харчах.

Пробраться ближе, разглядеть —

Подлесок откровенно стал редеть:
За копнами, в пролете у сарая,
Камыш примяв, и лаги подпирая,
Безмолвно, двор весь оседлав,
На «гуски» с дерном намотав
Комки страдалицы земли —
Фашистский танк – буй на мели.
Из-под брони струился запах,
Что вместе с кровушкой на траках,
В бензольных фракциях, мазут, —
«Собратья» на Кавказ ползут.

Тот резкий запах Алексея осенил,
Он осмотрелся, обстановку оценил.
В тылу глубоком немцы обозрели:
Под граммофон галдели, пили, ели.
«Ну, сколько можно мне бежать,
Сидеть, как заяц и дрожать?
За фронтом так мне не поспеть —
Бесчинства фрицев сколь терпеть?»
Винтовки сжал рукой цевье:
В бой рукопашный, е-мое!?
Последний выстрел был вчера —
Облаву сделал «немчура».
Громила-часовой высок, —
Собрав все силы на бросок,
Обрушил злобу на врага —
Винтовку жалко – дорога.
Эффект внезапности – итог:
Фашист, распластанный у ног;
Взамен на «щепки» – автомат;
Чуть не сорвался русский мат.
Наружи двери на засов —
Не слышно руганных басов;
Соломкой всюду застелил,
Канистру взял и все залил.
Броня из Рура – цитадель,
Танк ослепительно горел.
Фашисты в шоке, негача прочь —
Боец бесследно канул в ночь.

В далекой отчей стороне,
Деды судачат о войне:
Тимоха сплюнул и признался:
– С германцем, в Первую, братался
– Виновен в том ведь не народ,
А фюрер нации, урод —
В газетке нынче прочитал.
– Ты, грамотей, войны не бачив:

Я с вшой в окопе – ты батрачив.
На що мини цей пустобрех?
Сыны на фронте, вси, у трех!
– А, мой, Максим, хибя не в счет?
Танкистом значится. Почет!
Та, ладно, куму! Не серчай,
Пишлы у хату – с тмином чай!?
– Стой! Федька Прасол йде к гурту, —
(Задеть соседа – По-нутру)
С бревна Иван чуть привстает,
Мозольну руку подает.
– Письмо пришло, прислал Алеша?
Партийному там легче ноша:
Политруком, небось, при штабе?!
Покойней жить тебе и бабе.
Протяжно, Федор, так вздохнул,
Достал кисет, табак свернул,
Цигарку прикурил о трут:
– Ну, бабы-стервы, вечно врут.
Пропал Алеша наш давно —
Из части, где служил, письмо.
Их много там попало в плен,
Али лежит в земле, уж тлен...
Тот голос, что внутри кричал,
Просил за сына, умолял;
От нервов тиком ус дрожал,
Сплотнув слюну, вновь продолжал:
– Тимошка, я про што слыхал,
Что фрицы близко – не брехал?
– Лежит у ног врагов Донбасс...
Да вой разрывов... Боже, спас
– С утра рассыльный приезжал,
Расстроено пакет держал.
Политотдел собрал «буклеты»,
Спасают книжки, партбилеты
С осенним закатом виднелись вдали,
В расцветке багровой, зловещи огни.
То в мирную жизнь прорывалась война:
Горела земля и страдала сполна.

С трудом форсируются реки,
Вопрос просушки в ранг возрос;
Воспалены, не дремлют веки,
А поутру знобит – мороз.
Изнеможен. Висит на теле,
Под полкой, «шмайсер» – автомат.
Не сам он шел на самом деле —
Им двигал в «пятках» компромат.
Не видел ведь никто убитым,

А, куда делся – вот вопрос?
Не может воин быть забытым,
А, если плен, молвой оброс?
До боли мучают сомненья —
В земле таится партбилет;
Поймут ли там, в судьбы сплетенье
Иль буду горько я жалеть?
Отбросив тягостные мысли,
Маршрут дальнейший продолжал;
Алеша понял – брови свисли:
За фронтом он домой бежал!?
Собрать всю волю, не забыться —
Как больно будет осознать:
Столь пройдя, чтоб не пробиться ...?
И мысль об этом надо гнать.
Так было дело под Горячим,
Когда подумал – «Вот, конец!»,
Старик приметил оком зрячим:
– За зря погибнет. Чай, боец?!», —
С трудом затиснувши на дровни,
Промолвил кляче: «Гей, пошла!», —
А сверху хворост крон и корни,
Чтоб злыдней нечисть не нашла.
Согрел старик отвар ядреный —
Из схрона сало в три перста:
– Не немчуре же рос холенный,
А, шоб «вприглядку» до поста.
Капуста с бочки, самосолка —
«Мундир» с картошки – в руках дрожь, —
Была бы старая довольна:
«Шальной» сразило – навзничь в рожь.
Притих старик, зачем расспросы,
Сам в этой жизни повидал:
Кронштадт, восставшие матросы, ...,
Кровь за Советы проливал.
Алешин сказ предельно краток —
Лишь месяц с лишком воевал;
Катился фронт без ярких схваток —
Солдат за ним не попевал.
Свет керосинки еле брызжет
Сквозь щели ставень на плетень:
Заострил слух – им корысть движет —
Холуй германский, добра тень.
«Мосол» – в народе, ирод Костя —
Примерный, словом полицей,
Пронюхал про ночного гостя:
– Дядька Мыкола! Отчиняй!
– Плохи дела! Скориш, сховайся!
Я, це отродье задержу

Щелкнул засов: «Не рад, признайся?
Пристыл я. Холодно... дрожу
А, що горилка вже не гріє?
Цепови пси вси в конурах
– Твоя старуха в зимли гніє!?
Щас твой черед ..., – прикладом в пах.
Ворвался разом он в светлицу,
Глазами ерзал по углам —
Пот злости смачивал петлицу,
Летела утварь, словно хлам...
С их взглядами – стволов нарезка,
Застыли студнем на лице;
Готовы были, но не резко —
Смерть с желатином в «холодце».
«Дефис» зрачков – затмила ярость,
Застыли пальцы на крючках,
До выстрелов такая малость:
Кто первый? Пульс в висках.
Вмиг напряженку разряжая,
Старик хватает табурет;
Всю накипь, с сердца сокрушая —
Скривил «Мосол» лица портрет.
Обмяк снопом у ног солдата:
– За честь Прасковьи и свою! —
Прости, Господь, за супостата! —
За сына, павшего в бою!
По слухам: фрицы под Москвой,
На юге – к Дону подступают
Армады маршем, строевой
По выжженной земле ступают.
Все чаще встретишь на дорогах
Колоны с курсом на восток:
Нет хлеба с солью на порогах —
Проклятий встречный им поток.
Посты, разъезды повсеместно —
Прифронтовой царит закон.
О том Всевышнему известно,
Как прошмыгнуть через кордон.
Простым «Макаром» не пробиться,
К своим не выйти – это факт;
Как среди немцев раствориться —
Не заключать же с ними пакт?!

Часть 2

Донецкий кряж у Примиусья —
Холмы изрыты: сваи, брусья;
С высот прекраснейший обзор —
Несут фашисты здесь дозор,
Укрывшись в непреступны дзоты,
В дремотной неге все заботы.
Чуть отдышавшись, – на Ростов —
План наступления готов,
Внизу, путляя, выбирала
Путь руслу, долго вымывала,
Среди дубрав и тополей;
Питала почву и людей,
И, опреснитель вод морей —
Река границей пролегла;
Держала фронт, ну, как могла.
Всю ночь, мерцая до рассвета,
Взамен сгоревшей – вновь ракета,
Как в полнолуныя времена,
Картина местности видна.
То «беглым» подступ проверяя,
То треску древ не доверяя,
Строчил фашистский пулемет
Пучками пуль – смелей полет.
Прорыв готовится – всем ясно;
Чтоб гибли люди не напрасно —
Намечен главный, где удар?
Затишье снова – божий дар.

Комбат склонился над планшетом,
Под тусклым гильзы-лампы светом.
В блиндаж ворвался старшина,
С улыбкой, что испил вина:
– Я, вам осмелюсь доложить —
К пилотке руку приложить,
Забыл, с горячностью в душе, —
Мы наблюдали в камыше...
От фрицев, с правого... бревно...
Крутой там берег и темно —
Вниз по течению несло...
Ладью, забывшую весло.
– Давай, писака, не томи:
По-сути, кратко доложи.
Задачу с треском провалил?
Зачем послали, позабыл?
– Не терпит время. Виноват! —

Поправил ремнем автомат,
Свернул улыбку в «строгача», —
Спешил с докладом ... — сгоряча.
Когда ж ракетой осветило,
Предстало нам такое диво:
Два человека «за бортом»,
Толкают древо, дышат ртом.
С трудом поток им покорялся:
То с головой вдруг погружался,
«Вперед смотрящий» человек,
Другой продолжил ему век.
С высот фашистами замечен
И дерзкой смелостью отмечен
Побег к противнику — «утечка»,
Секреты ж все покроеет речка.
Ужасный начался обстрел:
От мин, трассирующих «стрел»;
Вокруг кипящая вода;
Бревно поднявшая волна,
Вмиг разбросала беглецов;
Взамен спасательных концов,
Там ветки ивы над водой,
А ствол, что мостик наводной.
Прикрыли их слегка огнем.
Тот первый, унтер, — все при нем,
На русском бред несет второй —
Без рангов, с рыжей бородой...
Комбат сначала осерчал,
Но был резон — он промолчал,
Затем скомандовал: «Ввести!» —
Допрос де-факто провести.
Тот первый, сдавшийся «язык»,
Веревкой связан под кадык;
В единой связке на втором,
На поясе конец с узлом.
— Рогозин! Кто их так вязал?
Ядрена вошь, ... бог наказал.
— Так это... сами, без проказ ..., —
Слова глотая, молвил сказ.
— Товарищ ...! — ромбов не видать, —
Кому там нужно передать:
Мне нужно часть свою найти.
Там можно справки навести.
Отсюда, в двадцати верстах,
Стоит деревня в берестах
И ждет безутешно семья:
Там мать, отец, жена моя.
— Ты, рыжий бородач-туземец,
Чем будешь крыть? Красноармеец?!

Твое фашистское шмотье —
Холенное, небось, житье?!
Алеша сдержано молчит —
В сапог из раны кровь сочит;
Круги в глазах и меркнет свет —
В родных краях затлел рассвет.

Совсем был рядом отчий дом,
Казалось, шаг ступи и в нем.
Подступит к горлу горький ком
От мысли – весточки живьем.
Осколок вынули когда,
Отдел занялся особистов:
Алеша изошел тогда
Дознанием правды моралистов.
– Алеша Прасол, я, боец.
Попал под энском в окружение,
И «языка» привел – в конец, —
Бой не на равных – блиц-сражение.
– Ты, лучше б голову сложил,
Тогда бы было больше чести.
И партбилетом, зная, не дорожил:
Нет – пулю в лоб, а так – без вести?
Затем военный трибунал,
Заслуг бойца «на кон» не ставя,
Всего! «осьмуху» припаял
И в этом истина простая.

Вагон грохочет на восток,
А в доме оккупанты-немцы.
Берег надежды он росток:
Разбиты будут иноземцы.
Стране был нужен лес, металл —
Трудились, надрывая жилы;
Чтоб снег бараки заметал —
Зимы не знали старожилы.
Здесь не был Прасол «стукачом»
И «птюху» разделял с больными,
В душе с лоскутным кумачом,
И с верою, и с взглядами прямыми.
Звучит над зоною указ —
Дается право искупиться:
Иль будешь ранен напоказ,
Иль ворону над павшим усладиться.
Раздумий нет, шагнул из строя
Отчизну грудью защищать;
Хоть не дадут потом «героя»,
Но будут с честью величать.

Свободен «разум возмущенный» —
Лишь в спину дулом автомат,
И грех сомнений отпущенный,
И тола в легких аромат.
До Волги нечисть докатилась:
Рос дух, уверенность людей,
В бою отвага породнилась
С бессмертием святых идей.
В атаку шли, вперед, дизбаты —
Цена их жизней – ни к чему;
С политруками шли комбаты —
«Ни шагу в сторону!» – к сему.
Потери буднично привычны,
Вновь пополнял людской поток;
Желанья выжить хоть обычные,
Но смерти вызов дан, браток.
Не успевал запомнить лица,
Мелькали кадрами кино:
Фамилий длинная таблица —
Напротив прочерков полно.
Сменилось много командиров:
Вот зам. ком. роты, Алексей,
Не нашивал вовек мундиров,
А ватник – нужный панацей.

Год сорок третий, переломный —
Бежит захватчик вероломный,
Цепляясь за уступы скал,
Все ж демонстрируя оскал.

Непреступны казались высоты:
Не хватало усилий пехоты —
Основательно враг укреплял,
Их границею рейх представлял.
Да, бесспорно, прорыв затянулся
И, матросов бросок захлебнулся:
Склон, когда-то белевший снегами,
Весь покрылся в бушлатах телами.
И после долгой передышки,
Под Курском «синяки» и «шишки» —
Фашистам преподан урок —
Удару с юга пришел срок.
(Коль рифма выдержит экспромта)
Прорыв намечен Миус-фронта,
Где враг полгода отдыхал
И тмина аромат вдыхал,
На, чудом уцелев в те дни,
Клочках не выжженной земли.
Она потомков будет ждать,

Чтобы на Троицу услаждать.
И вновь форсировать Миус
Алеше доведется. Только ус
Подергивался знаком беспокойства,
Не допускал агонии расстройства.
С этапа восточку послал,
Но может статья, опоздал:
Фронт перекрыл пути, дороги,
Придав родным еще тревоги.

Знакомые до боли в сердце
Все до войны изъезжены места:
«Кривой» стартер в фанерной дверке
И шум ведущего моста.
Пересекали балку трубы
Нефтепроводов в три ряда:
Разрывов острые зарубы
И нефти через край пруда.
В дни довоенных пятилеток
На АМО грузы доставлял;
Жалея слабых малолеток,
Плечо под трубы подставлял.
Отсюда нефтепровод «Грозный – ...»
На юг проходит по селу,
Где коммунистом в гурт колхозный
Парторгом выбрали к сему.
Село Марьяновкой зовется,
И, как живут там мать, отец?
И скоро-ли в семью вернется —
Настанет все ж войне конец?!

Что пуля – дурра бессердечна,
О том риторика извечна:
Презрен тот будет – «самострел» —
Душе устроивший расстрел.
Навстречу смерти – не фурор,
Смывая кровушкой позор,
Телами гати наводили —
С них конвоиры не сводили
Через прицелы зорких глаз,
И – это горькой правды сказ.
Естествен был судьбы отбор —
По душам не звонил собор.
Моих сказаний шел герой
По терниям – дерзил порой,
Рискнув не только головой —
Остаться в небытие с молвой.
И пуще смерти эта мысль,
И от позора не спастись:

Над телом бездыханным враг
Поднимет если в крови флаг;
Родные если не узнают
И черным словом поминают?
Перед тобою, мать, вина —
Прости папаша-старина.

Тяжелым испытаньем стал
Среди равнины «пьедестал» —
Трехсотметровый рейх-дозор,
Здесь круговой имел обзор.
Саур-могила – высота,
Взять сходу было неспроста.
Судьба с инкогнито конца:
Могилой братской для бойца
Она не стала. Наш герой
Встал силуэтом над горой.
Хранил Алешу амулет —
Его под грушей партбилет.
Бесстрашен с верой человек —
Бессмертье павшим продлит век,
И в памяти «семьи народов»,
И костью в горле у уродов.
Героев помнит та земля,
В ней крови больше, чем угля,
Донбасса края сторона:
Здесь фронта лопнула струна.
В прорыве фронта до Самбека
Расчищена в боях «просека».
В людском потоке героизм
На шкуре испытал фашизм.

Часть 3

Равна нулю та вероятность —
Среди солдат бытует гласность:
Снаряд в воронку чтоб упал,
Где первый оную создал.
Цикличность в мире, повторенье —
Коллизий аксиомно мнение:
Чтоб реки повернули вспять,
Глобально нужно повлиять.
Не в силах смертный человек
Пройти повторно данный век.
А к циклу нужному вернуться,
В ту атмосферу окунуться,
Не во временной координат,
Хотя бы, в заданный квадрат?
Откуда легче воссоздать,
Минуту форы можно дать
И заново начать считать
То время – можно полетать
В фантазиях с реалью неотрывно:
Все так заманчиво, наивно.
Второй попытки не дано,
Но интересно все равно,
Как заново прожить бы мог
Став на распутии дорог?

Охотник знает – зверь опасен,
Когда он ранен, затаился;
Хоть дичью стать ты не согласен:
Кто пренебрег сим – поплатился.
Фашистский замысел: увлечь
Передовые силы русских,
Сумев отходы их отсечь,
В тисках преград довольно узких.

Ничем не отличается погода
От той, в такое ж время года,
Лишь изменился в ракурсе пейзаж;
Деревни облик будто бы мираж,
Передавали призмы перископа:
Пригорок с бруствером окопа,
Замаскированные точки и блиндаж,
«Колючки» ограждения – бандаж.
– Неужто, вляпались в дерьмо —
Сулят нам окружения ярмо.
Тебе, Петруха, чай впервой?

Совсем зеленый, ... молодой.
– Пока мы подкрепления дождемся,
Не потом здесь, а кровью изведемся.
Фашистами за нами взорван мост.
А, выход? Разом на форпост?!
Без подготовки, штурмом сходу?!
– Зазря положат здесь народу.
Ведь времена твои не те,
Что будет бабам без детей? —
С прищуром возразил Кузьмич, —
Ученый, ты, ответь москвич —
Поколь у нас рожали бабы?
– ...?
– А, сколь ни есть – мы чадам рады.
Мужик – то гибнет на войне,
Тоска у баб теперь вдвойне.
Петро, ты девок зажимал
Иль чисто взглядом обнимал?
– Да, перестань, Федот Кузьмич —
Залившись краской до глазниц, —
Не к месту этот разговор —
Навис зловещий приговор...
– Палит из всех калибров, гад!
Подумать можно – Сталинград
И после марша наступленья,
Окопы рой до исступленья.
Копай живей и весь приказ —
Немчуре скучно без «проказ»:
Хватается за кустик, соломинку —
Опять начал обстрел-разминку.
Канонада артиллерии в версте:
Разрывов след на бересте
Оставили безжалостно осколки
И закипает сок от глубины «наколки».

Рассыльный из командного упал:
То ли споткнулся, то ли дух отдал,
С дивизией отставшей, где же связь?
Увязла техника – по шею грязь.
– Нам, без поддержки братцы, значит,
Обстрел несладкую судьбу корячит —
Вступительную речь комбат провел, —
Факт на лицо! – итог подвел,
– Артиллерия дивизии достанет,
Координация огня вопросом станет.
Нужна разведка – это однозначно,
Чтоб стала ситуация прозрачной.
У комсостава будут предложения,
Как избежать потерь и униженья?

Комвзвода Прасол доложил
И вкратце план свой изложил,
Притом, про названну сестру
Не досказал. Не быть добру,
Коли затянется кисель,
То рухнет замысел совсем.

Низовье затянул туман:
Ответных выстрелов обман,
Отвлек фашистов в тот момент,
Когда свершался прецедент.
Бойцов отчаянных отряд,
Свершил в прощальный миг обряд,
Поспешно двинулся к реке,
В тумане, словно в молоке,
По плавням берегом протоки,
Где мутны с ряскою потоки,
Позад усадеб в аккурат —
Виднелись крыши старых хат,
В осеннем цвете старый сад
И скучный домика фасад.
Двор без ограды прозябает,
Семью ветрами продувает:
Разъездами изрезан глубоко —
Месили, словно толокно;
Плетень изломан на дрова,
А с ним кустарник и трава.
В саду развесистая груша,
Расставив ветки, словно клуша,
Два года тайну берегла —
Под бронь фашистов не легла.

Неведомым чутьем гонима,
Судьбой безвестия ранима,
С глубоким вздохом поклоняясь,
Безмолвно, быстро помолясь,
Пошла, не думая куда —
Тропинка к саду привела.
Туда с противной стороны,
Пропахший порохов войны,
А в мыслях пульсом — «партбилет!» —
Герой наш потаенно шел
И без труда тайник нашел.
Вся радость встречи при себе —
Сказал: «Любаша, я к тебе...».
Солдатка видит то, но как
Вопросом не попасть «впросак»?
— Ты знаешь путь через трясины
И чуть приметную осину,

Где с мужем строили вы гать —
Коров на пастбище гонять?!
Об этом мне ты говорила,
Что это так – ты не шутила?
– Да, что ты, Леша! Бог с тобой!
Напомнил мужа. Он, родной,
Под Харьковом, как отбивали ... —
В сырой земле, там похавали.
А, за болотом столько немца,
Что молотого в ложке перца.
Стянул всю технику в кулак,
Форпост оставил – не дурак.
– Ты рассуждаешь как Кутузов:
Здесь шведов били – не французов.
Но, с твоей помощью, надеюсь,
Фашистов разобьем. Осмелюсь
В их тыл непрошено зайти
И тихо с данными уйти.
Прошу тебя, свою сестру —
Нужны нам сведенья к утру,
Коль знаешь, можешь рассказать —
Гать через топи указать?!
– Боюсь тебя я отпускать.
Когда вернешься? Где искать?
– Детишек, Люба, береги:
Вот хлеб, консервы – накорми.
В карман нагрудный партбилет —
Причину тягот этих лет,
Вложил, прижав к груди рукой
И наступил души покой.
– Однако надо поспешать,
Задачу важную решать.
Хоть и негоже коммунисту:
– Ну, с Богом! – кол в нутро фашисту.

Тропы и в свете не видать,
Чутьем лишь можно угадать:
Кошачий, легок женский шаг,
Хоть и в кирзовых сапогах.
По, ей лишь ведомым, приметам —
Нет места вещкам и предметам —
До суходола топью провела
Бойцов отряда – все дела.
С тяжелым сердцем распрощалась,
Домой Любаша возвращалась:
Топь издавала злобный дух —
Летел по ветру золы пух.
По гати провод проведен —
На связи штаб, дивизион:

Разведку только проводи —
По нем обратный путь найди.

— В квадрате «десять – тридцать семь» —
Разведка спешно доносила, —
Сеть укрепительных систем,
Укрыта тентом бронесила.
В районе сопки – «сорок три»,
В углу квадрата посмотри...
Порядка дюжины стволов,
Да тыщи полторы голов.
Готовят немцы переправу:
Отход – гарантия по праву,
Когда верх наша станет брать,
Один им путь – суда бежать.
Здесь, за излучиной протоки,
Сольются вражьих сил потоки.
Вновь Днепр фашистам не видать,
Судьбу их здесь, не им решать.
Болото краем обошел,
Отряд в позиции вошел,
Да чтобы немцев не спугнуть,
Посты их нужно обогнуть.

Разведку «без сучка» провел,
Вернулся Прасол – не подвел.
В штабах задачу разрешают:
Как быть, что лучше – предвещают.
Для передыха краток час,
Чтоб рапорт написать сейчас.
Хотелось гласно заявить
И партбилет тем предъявить,
Кто доверял лишь компромату —
Не верил в преданность солдату,
Который трудный путь прошел —
Покой душевный снизошел.
Хотя бы часик, ты, вздремни,
Ослабь стянувшие ремни:
Хоть мирный сон и не приснится
И в неге не тебе томиться —
Но сможешь утром воевать,
На фрицев «с кисточкой» – плевать.
Ты, без ухарства – есть герой
И за тобой весь взвод горой.

«Катюши из-за спин завыли,
Багрянцем небо осветив,
Позиции врага накрыли,
На выстрел к немцам подступив.

Без промедленья шлют «приветы»,
На сносях наступленья дня:
«За Родину!», «Победу!» и «Советы!»
Так, что низвергнулась земля.
Здесь, у форпоста оживились:
С флагами головы подняв,
Призывно, дружно навалились,
Но, враг, «намека» не поняв,
Атаку первую, вторую —
Еще силен был, отбивал;
Минутной стрелкой вкруговую
Их час последний пробивал.
Приказ им был – «стоять на месте!» —
В попытке вывести «броню»
Из-под обстрела «кар небесных»,
От бога главного в войну.
На душах смертников форпоста,
Войной что списывался грех,
Схлестнулись здесь идеи просто:
Одним готовился успех,
Другим – обида поражения —
Итог подводим в двух словах.
О факте сдачи без сраженья,
И. мысли нету в головах.
Ну, раз нашла коса на камень —
Не только искры полетят:
Под клич победный, снова в пламень,
Толкало мужество солдат.
На первой линии окопов
С остатком взвода, Алексей,
Круг испытания протопав,
Что впереди планеты всей.
Заветный долг у коммуниста —
Бойцов в атаку поднимать,
Хоть пуля-дура норовиста:
«За Родину, Россию-мать!»
Поднялся в рост красивый, статный,
России преданный солдат:
Призыв его, что звон набатный,
Словами трудно передать.
Что с гор катящейся лавиной,
Но ровно все наоборот —
Бойцы рванули прытью львиной
На ненавистный, грозный дот.
В пылу никто и не заметил,
Как грудь широкою бойца
Пронзила пуля. Шаг замедлил,
Замахом стилия у пловца,
Метнул гранату в амбразуру —

Вздыбилась роба на груди:
Вторую, разрывную «дуру»
Алеша встретил на пути.
Упал боец на дно воронки:
Откуда взявшийся – снаряд,
Ложится рядом, чуть в сторонке
И, погребальный весь обряд.
Да, нелегко далась победа,
Как, впрочем, всюду на войне:
Все шло по замыслу стратега —
Штрафбатам выпало вдвойне.
Маневр фашистов не удался —
Попытка в топи заманить:
Кто яму рыл – в ней оказался
И в том раскладе сути нить.
Коса за топью суходола:
Понтонный мост в щепу разбит,
В воде протоки, для прикола,
Стволы орудий – их гамбит.
Повсюду гарь, зола и пепел,
Огнем отпущенный металл;
Стоят дымящие скелеты —
Могильный танков пьедестал.
Еще витает едкость тола
В межречье Пселла и Суллы,
А на Днепре геройства школа —
Вновь отличаются сыны.
Сыны большой семьи народов
(Средь них не встанет Алексей)
Погонят в логово уродов —
Незванных Родины гостей.
Нам здесь придется задержаться
(От беготни в глазах рябит),
С судьбой героя разобраться —
Оставили, в земле зарыт.
И было так, хоть крайне редко:
От пуль кто грудью закрывал —
Безвестным был. С нагрудной «меткой» —
За ним кто славу подбирал.
И сколь, доселе неизвестных,
Покоятся в сырой земле.
Лишь в канцеляриях небесных
На каждого свое «досье».
Нет Прасола в числе погибших,
В строю походном не видать:
К безвестности в войне привыкших, —
Что будет лучше, как считать?
И вновь по адресу, в дом отчий,
С догадками письмо пришло,

Где сообщалось, между прочим,
То ж место! Только год, число??

В тяжелых мыслях Люба шла,
Понутив взгляд, смотря под ноги.
О, Боже мой! Что здесь нашла?
И сердце сжалось от тревоги.
Среди воронок, гильз, кассет —
Со вздохом ноги подкосились —
С любовью вышитый кисет
И слезы горя накатились.
Стояла пелена в очах,
Руками землю разгребала:
Итог гаданья на свечах —
Не может быть, но ожидала...
Под слоем рушенной земли
Алешин лик ей открывался
И с болью приступа в груди,
В глазах зеркальных отражался.
— Ну, как же так? Брат дорогой,
Давал слова мне обещанья,
А, сам?! С кудрявой головой
Геройски пал без слов прощанья.
Все, чем могла, в последний путь
По-христиански ритуал свершила,
С соседкой чтобы помянуть,
Чекушку горькой раздобыла.
Под грушей — лучше не сыскать
Во всем саду достойней места,
С прощенья Господа, — копать —
Ни мать ведь, ни жена и ни невеста.
Себя корила только в том:
Поскольку Лешу мало знала,
Фамилию его, где отчий дом —
Ей стыдно было, не узнала.
В руке дрожащей документ —
Кроваво-бурый клочка сгусток.
Хоть бы какой-то аргумент,
Нутро, что тора дыра — пусто.
Что Неизвестный, пал в бою —
Всем говоря, что схоронила,
Но тайну горькую свою
До конца дней так сохранила.

Полжизни сына мать ждала:
В плену быть может, в лазарете,
И в мыслях тягостных сдала,
Он — молодой такой же на портрете.

Эпилог

Крутые стали в жизни перемены —
Историю же вспять не повернуть:
Кто партбилет порвал, не видя в том измены
(А тех, «крапленных» кровью, не вернуть) —
Не вынесут тому и срока меру,
С ударом в грудь кричит: «Я, демократ!» —
Не только жизни не отдаст за веру,
И Родину, и мать свою продаст.
Но в лучшую судьбу бесспорно верим,
Не хочется о пагубном роптать —
Этапы новые страны мы мерим,
А старые не нужно забывать.

Кто не вернулся с фронта – безжалостна судьба,
Их имена глашат на обелисках,
Кто с «крапом», жив – ждала тюрьма,
Кто и сейчас в безвестных списках.
Безвестные герои, не ждут вас ордена,
О многих никогда мы не узнаем.
Во имя жизни – жизнь их отдана,

У «Неизвестного», в их память замираем.
Весенний день в сиреневом наряде,
Хоть неизвестны павших имена,
Приходим поклониться, при параде,
А наша память – ваши ордена.

Пусть наших лиц не оросит слеза,
А в желтизне тюльпанов пламень крапа —
Сбежит с букета капелькой роса
На глянцевый гранит – покой солдата.

10.05—03.06

ПОЭМА

Бирюк

Предисловие

Детей волками мы пугаем:
«Придёт и схватит за бочёк» —
Свирепый зверь, так полагаем,
Что жертвой станет и бычок.
Закон неписанный в природе —
Кто есть сильнее, тот и прав.
Простите, и в людской породе
Порой бытует волчий нрав.
Но, в волчьей стае по понятиям —
Кто лучший, тот и есть вожак,
А для людей, двуногим братьям —
В понятиях полный кавардак.
Их правоту трактуют ружья,
Отмывка денег, кровь, грабёж;
Их вороны над миром кружат,
Ждут для подпитки сил падёж.
В них добродетель не проснется,
И в недрах душ не тлел костёр
Благих начал – пусть окунётся
С путевкой за грехи в котёл.
– В твоих словах не человечность,
Скажу тебе поэт – садист!
И такта нет и бессердечность,
Работай в функции «радист»:
Всё, что ты можешь – передать,
А догонять умом не нужно,
Иначе в рыло могу дать
И будешь волком выть натужно.
И будешь как бирюк, изгоем,
Смотри, другим всё нипочём:
И то, что гоним «лохов» строим,
И то, что «шмайсер» за плечом.
Твоё же слово – к луне вой,
Соната полнолунной ночи,
Ты оду славы нам пропой,
Она тебе успех пророчит.
К чему призыв в твоих руладах?
В «аллах-акбаре» гуманизм,
Всех «серых», кто не при парадах
Вернуть опять в ваш коммунизм.
Где будут рады вам Гулаги
И будет волк тамбовский – брат,

Что все равны – то бредни саги;
Родным лишь станет русский мат.

Мы рангом выше, правим миром,
Верней всё ж, правит капитал:
Что есть бесценно – вырвем силой
И устраним тех, кто достал...
Ну, чё, писака, сделай вывод:
О чём писать и важно как,
Чтоб обеспечил полный привод,
Заправив темой полный бак...
– Ты для меня – не инквизитор,
Как тему вижу, так подам,
А, кто в суждениях провизор
Поймет читатель, знаю, сам.

I

Украдкой, ночью, озираясь,
По, им лишь видимой тропе,
Бирюк, оврагом пробираясь,
К бурлящей горной шёл реке.
Селенье помнил он, ограду,
Где пару лет тому назад
С приманкой сделали засаду,
Но он ушел, тащивши зад.
А год назад вот здесь попала
Подруга в «челюсти» – капкан...
Отгрызла лапу, но пропала,
Истекши кровью страшных ран.

Охоту помнит «по зеленке»,
Когда с «вертушек» лился «град»,
Израненный, скулил в воронке,
А рядом «подпевал» солдат.
Он был в крови, бреду, контужен —
Безусый парень молодой.
Забыт ты, стал уже не нужен?!
Сердечный маме, дорогой.
Когда «брат старший» отключался,
Покой волк яро охранял.
Он раны чистить принимался
И гнус всесущих отгонял.
Чуток окреп и, за добычей,
Лизнув парнишке нежно нос.
Тягался раньше с силой бычьей —
Сейчас на падаль только спрос.

Пуглива дичь, хотя охоты
«Сезон» открылся на людей.
Здесь нет окопов и пехоты —
Охота! Дичь же кто – злодей?!
Озлоблен зверь, вдвойне коварен,
Щетиною прикрыл оскал;
Джихадом череп затоварен —
Он притаился среди скал.
Припавши к бурному потоку,
Волк, жажду, фыркая, тушил;
Согнал раздумий поволоку —
Вечерню месяц отслужил.

Уйти, несолоно хлебавши,
В горах укрыться до зори?

Загнав себя, без чувств упавши,
Заметил слабые огни.
Над углями пеклась барашка,
Следил за жаркой бородач:
Закатана до плеч рубашка —
Трещал, искрился карагач.
Слюна рефлекторно бежала,
Пьянила амбра, что дурман;
Листва чуть слышно задрожала —
Абреки собрались в духан.
В суровых ожиданиях лица,
Искринки злобные в глазах;
Расселись у костра харчиться
В присядку, словно на козлах.
Пропитан камуфляж тротилом,
В кровавой мессе сапоги —
Скрыть невозможно гуталином,
А вымыть – брезгуют они.
Тут автоматы, пулеметы, «мухи», ... —
Не для охоты выбран арсенал.
А по ущелью разносились слухи,
Что «браконьеров» ждет финал.

Когда ж духан угомонился,
Спустился месяц отдыхать,
От стражи серый уклонился —
Стал рваным носом снедь вдыхать.
Пусть станет вылазка последней:
Трофеев, взятых им, не счесть.
Меж крайностями нету средней,
А выбор крайностей-то есть:
Уйти «несолоно хлебавши»
Иль жизнь поставить всю на кон?
Схватил баул, добычей ставший,
Шмыгнул в кусты и был таков.

Обратный путь безмерно труден:
В клыках болтаясь, словно студень,
Цепляя камни, падал груз,
Катясь по склону, как арбуз.
Баул копченостью пропах:
Мутился разум, ныли раны;
Сбивался след, втянуло пах, ... —
Не нарочито «серый» – странный.

С росой, утренней прохладой,
Боец очнулся. Не озноб —
Был этому виною, а усладой —
Росинки на губах и лоб,

Собрав в морщинках бисер,
Скатил их в дол глазниц;
«Загар» от тола – взрыва миксер
Смывался с лика бойца в ниц.
От крови слипшие ресницы,
Открыл глаза. Толь явь, толь сон:
Без четкой абриса границы —
Не может быть!? – увидел он
Глаза, горящие напротив

И запах твари, ощутил.

Но понял быстро – не строптив
Был зверь, а то б не пропустил
Момент броска, за дичь принявши
Тело подранка. И, кроме того,
Доверчиво скулил уставший,
От мытарства ночного, вид его...
Пытаясь начать «диалог»,
Сухие губы лопотали,
Но внятно он сказать не смог,
Да и без слов всё понимали.
В одну попали западню:
Один сумел, хотя прорваться,
Вернулась память к тому дню —
Заставил долг его остаться.

II

В тот день, с «зачисткою» отряд
Прочесывал район «зеленки».
Изрыта местность: где снаряд,
Где мина – сделали воронки.
Привлек солдата зычный вой:
Поступок «серого» не ясен —
Средь бела дня ..., не под луной ...,
А если ранен, всем опасен.
С опаской, создавая круг,
Приблизились к воронке ближе.
Из-под исподней словно, вдруг,
Сердитый рык. В воронке, ниже
Зиял развернутый провал,
Глаза блестели ярой злобой.
Такой расклад бойцов сковал,
Неординарной став им пробой.
– Давай пристрелим! Во, зверюга! —
В пролом, направив автомат,
Подталкивал на подвиг друга,
Служивый перешел на мат.
– Оставь смеяться над беднягой,
Виновен тот, кто вырыл «схрон».
Не своей волей стал бродягой,
Ты б поберег врагу патрон.
Смотрел бирюк в глаза солдата —
Их светлый взгляд струил добро.
Отвел рукой ствол автомата:
– Поможешь вызволить, Петро?!
– Да, брось ты, Саня – чумовой!
Какое нам до зверя дело,
Совсем не дружишь с головой
Или приемлешь в ранах тело?

Свидетель спора сменил рык
На жалкий опус умаленья:
Ко всяким каверзам привык,
Но от людей не ждал спасенья.
Не страхом гибели подвергнут —
Обидно было так пропасть:
Без схватки и врага повергнут,
Не окропивши кровью пасть.

Все Саню звали Алексашкой:
Был в мыслях пламенный полёт,
И не рубил с плеча он шашкой —

Горячность, превращая в лёд.
И в тоже время ради друга,
Без промедленья шёл в огонь;
Ждёт дома с матерью подруга —
Попробуй бранным словом тронь.
— Прости дружище, но я — пас —
Петр робко отошел в сторонку, —
Будь кто другой, наверно б, спас ... —
Пытаясь обогнуть воронку.
А ... Сашка Пете не ответил,
С укором посмотрев в глаза,
А про себя — «ты, трус!» — заметил,
Молчаньем гневным все сказав.

Собрав в охапку жерди, ветки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.